

ФЕДОРОВ МИХАИЛ АНАТОЛЬЕВИЧ

Из книги «Книга памяти. Чечня»
Составитель Г.П. Устюжанин
Научный и военный редактор генерал-майор В.В. Усманов

*Матрос Фёдоров Михаил
Анатольевич родился 18
сентября 1975 года в городе
Кургане. Призван в Вооруженные
Силы России 14 декабря 1993г.
Военным комиссариатом
Октябрьского района Кургана.*

*Участвовал в боях с
чеченскими сепаратистами.
Погиб в бою 16 января 1995 года
в городе Грозном.*

*Награжден орденом
Мужества посмертно.
Похоронен на кладбище посёлка
Глинки.*

Мишина мама Галина Михайловна смотрит на меня с печалью в глазах, рассказывая: - Миша был у меня надеждой и опорой. Единственный сын. Ласковый такой и заботливый. Рождённый был от любви и без зла. Но везучий. В Писании его день рождения значится в числе проклятых. Написано: «...умрёт молодой и в муках».

И жизнь его на свете началась не как у всех. Родился он 18 сентября, а записали в метриках днём позже. Начал подрастать, потянулся от меня к отцу, а тот взял да из семьи ушёл. В армию призвали 8 декабря, и целую неделю не было отправки. Уйдёт в военкомат с вещами, а к обеду домой возвращается. И целую неделю так...

Любили Михаила родственники и товарищи за надёжность в дружбе и доброту, за мягкий и лёгкий характер. Он уживался в мире и согласии со всеми. Смотришь, он ремонтирует велосипед малышне во дворе, подошли друзья постарше – он уже с гитарой в руках. Мама на работе, а у Миши – полная квартира товарищей. Девчонка, соседка по двору, Лариса Злыднева говорит, что от Миши у неё секретов не было, всё рассказывала ему, как подружке. И некогда, чтобы сказанное ему, в мир ушло.

В школе Михаил имел среднюю успеваемость, так же равно закончил и СПТУ – 8 на токаря – универсала. По специальности получил отличные оценки и практику прошел на «отлично». Правда, работать по специальности на заводе пришлось всего лишь полгода. Но в коллектив вошел хорошо: не задиристый, деловой, с огоньком в глазах и сердце. Таким и остался в памяти у товарищей по заводу «Корвет».

Кладовщица на заводе звала его «Самоварчиком» за его открытый взгляд, за розовые щёчки, искристые глаза и улыбку.

В доме был у мамы помощником. И бабушке помогать успевал. Грядки на дачном участке скопает, заборонит, польёт, прополет. Любил на даче баню топить. Печь разожжёт, сидит перед огнём, отблески пламени в зрачках его пляшут. Как бы замрёт весь, о чём – то думает.

Хорошо плавал. Натыкался где - то в Тоболе раков ловить. Найдёт завалок под водой, нырнет, и рака из норы достанет.

На службу собирался с удовольствием. От медицинской комиссии скрыл, что плохо слышит на одно ухо. А когда с отправлением на службу получилась затяжка – захандрил, даже есть перестал. Служить выпало Михаилу Федорову на Северном военно-морском флоте, в береговой обороне. Мог бы и на корабли попасть, но затосковал по дому, а на берегу служить меньше. Решил, что последнее - главное для него.

Домой слал весточки часто. И в каждом его письме чувствуется любовь к матери, забота о ней, душевная теплота, привычка быть перед мамой во своем открытом до конца.

Вот строки из писем Михаила Федорова домой:

«18 декабря 1993 года. Мама, мы приехали в Североморск в 1 час ночи. Шли пешком километров пять. Нормально. Город очень красивый, стоит на сопках. Огни в окнах весело горят. Наверное, от того и усталости не почувствовали...»

«22 декабря. Нас отправили кораблём из Североморска на базу. Здесь будем 45 дней до распределения по кораблям и частям. Будем охранять границу с Норвегией. За меня не беспокойся. Все будет хорошо. Береги себя. Не болей. Всего нас 65 человек. 28 из них одного со мной призыва. Все с Урала, 7 – из нашей области...»

«28 декабря. Мама, сегодня нас сводили в баню, поменяли одежду. Все хорошо, но портянки дали летние, ноги в сапогах болтаются. Носки мои, что ты связала, «увели» в камере хранения еще в Североморске. Жалко, что твои и потерялись».

«12 января. Мама, готовимся принимать присягу. Этот торжественный акт пройдет 16 января в 12 часов по Курганскому времени. Так что знай. Подгоняли форму одежды. После присяги будет зачисление в подразделения. Не знаю, куда попаду. Вчера приходили «покупатели» с подлодок. Отобрали 7 человек по желанию. На контрактной основе. Заманчивые условия: хорошие морские выплачивают в долларах и отпуск 60 суток. Но лучше прослужить полтора года на берегу, думаю я. Соскучился по тебе и Кургану...».

«31 января. Мама, я попал служить в 58-ю Особую роту охраны. В роте 67 человек. Народ нормальный. Командиру всего 23 года от роду, но парень крепкий. Благодаря ему нет у нас никакой дедовщины. Он предупредил стариков, что за притеснения молодых упечет любого на пятилетку в штрафбат. И с него сбудется. Строгий, но справедливый...».

«13 февраля. Вчера увидел впервые северное сияние. Светилось почти во все небо. Как волны красные и зеленые льются с неба. Так красиво, мамочка!»

«19 февраля. Мама, ты без меня не скучай, ходи почаще к соседям, смотри телевизор. А мы тут целый день заняты. Скучаю только по тебе, по домашней еде, сейчас бы, наверное, все съел, что ты готовишь, особенно пюре из картошки и

пельмени. Хлеба нашего хочу, особенно, когда он горячий, когда от него еще пар идет. Вкуснятина! Но, пока, в мечтах. Сейчас с обеда пришли. Небо голубое-голубое, как вымытое. Солнце очень яркое и ни одной волны в море. Полный штитель – это называется. Смотришь вдаль, а там далеко сопки в снежных шапках, под солнцем они искрятся. Так красиво. Холодно, а море здесь не замерзает. Льдины небольшие иногда плавают, вот и все. Тебе бы здесь понравилось. Только очень морозно».

«12 марта. Мама, вчера мы ездили, а по-морски - ходили на катере в местечко с названием Земля летучих собак. Это название от сильных и постоянных здесь ветров, которым поднять собаку в воздух - нефиг делать. Нас чуть с ног не сбивало. Губы все ветер посек. Отвозили штрафника, которому дали три года дисциплинарного батальона. Достукался.»

«22 декабря. Мама, писать приходится тебе реже. В связи с обстановкой в Чечне, всех черных в караул не ставят и оружие им не выдают. Их служба ложится на наши плечи. Получается вахта – через день – на ремень, через два – на камбуз (это у нас столовую так называют)».

«26 декабря. Меня и еще 12 человек из роты переводят служить из Скалистого в Спутник, это ближе к финской границе. Говорят, их гарнизон уехал полностью в Чечню, а мы их заменяем. Писем пока не пиши. Вышлю новый адрес, тогда и напишешь. За меня не волнуйся...»

Это было последнее письмо Михаила Федорова домой.

Судьбу матроса рассказал товарищ по службе Алексей Кобалин из Московской области, поселка Молодежный: В Чечню нас отправили 7 января в Рождество Христово. Летели на трех самолетах. Сначала до Оленегорска, а потом до Моздока. На машинах добрались до Грозного. Сначала стояли в аэропорту Северный, пару дней. Нашу 2-ую роту бросили в самое пекло, остальные две раскидали по блок-постам. Первая попытка штурма здания Совета Министров Чечни, где мы участвовали, провалилась. Мы потеряли человек 30, но Мишу я после этого видел.

Потом командованием было решено сделать обход здания и штурмовать его с тыла. Мы пошли в обход вечером 16 января 1995 года. По пути нашу роту обстреляли из гранатомётов. Отсекли тех, кто прорвался вперед от основной части. Потом духи начали расстреливать прорвавшихся вперед из пулеметов. Мы, группа в несколько человек, забежали в здание какого-то института, чтобы занять оборону и дожидаться остальных. Обстрел прекратился. Я видел, что у горящей арки стоял Миша. Прогредел выстрел снайпера, и он упал. К нему пробрался наш парень, но в это время в окно влетела и взорвалась возле них граната. Чем закончился тот бой, я уже не видел. Боевики стали через окна закидывать нас гранатами. Меня ранило в ногу и плечо и сильно контузило. В Моздоке, в госпитале, я узнал, что от нашей роты в строю осталось 20 человек, остальные, более ста человек, были убиты или ранены.

Извините, Галина Михайловна, но больше я ничего о том бое не знаю. Жаль, что столько парней там полегло ни за что.

Проводить в последний путь Мишу Федорова собралось много народу – его родные, близкие, друзья, товарищи. День 28 февраля выдался на редкость теплый. Капало с крыш. Плакал оркестр, и плакали люди. А как не плакать, если парень ушел из жизни в свои двадцать лет?!

Дома, в переднем углу, на темно-красном бархате, перечеркнутом черной лентой, висят Мишин портрет и орден Мужества рядом с ним. Под ними бескозырка матроса.

Прошлым летом из Североморска приезжал командир роты, где служил Михаил Анатольевич. Он возложил цветы памяти на могилу матроса, а в доме оставил на память, на все времена, форму морского пехотинца.

Галину Михайловну не забывают Мишины друзья. Помогают, когда нужно и чем могут. И в том я вижу настоящую память о друге.

Геннадий Устюжанин.